

2 6 СЕН 1960

г. Москва

Музыке не нужен перевод

Евгений Мравинский еще не опустил своей дирижерской палочки, последние звуки величественной и трогательной Восьмой симфонии Дмитрия Шостаковича еще не затихли под сводами лондонского «Ройял фестивал холла», а четыре тысячи человек стоя аплодировали выдающемуся композитору нашего времени, блестящему советскому дирижеру и великоллепному коллективу симфонического оркестра Ленинградской филармонии. Непрекращающиеся аплодисменты заставили Шостаковича выйти на сцену. Смущенный и взволнованный, он подошел к уставшему, с каплями пота на лбу Мравинскому, поблагодарил его, оркестр, публику — и ушел. Но Шостаковича и Мравинского слушатели вызвали еще раз, и еще раз и отпустили только после седьмого выхода.

А за кулисами уже толпились английские любители музыки, дирижеры, корреспонденты, любители автографов. Здесь же стоял знаменитый скрипач Иегуди Менухин. С трудом удалось мне протиснуться в комнату и поговорить сначала с Мравинским, а затем с Шостаковичем. — Что я могу сказать вам, дорогие «Известия»? — спрашивает Е. А. Мравинский и отвечает: Не мне судить, хорошо ли мы провели концерт. Но мне кажется, нам удалось то, чего добивались. Музыка ведь не требует перевода. Когда говоришь ее языком, от души, она не может не волновать. Наш коллектив отдает ей жизнь. И, конечно, приятно, что работа многих лет приносит видимые, а лучше сказать — слышимые плоды. У нашего оркестра еще долгий путь впереди: концерты во Франции, затем в Италии, Швейцарии и Австрии. Вернемся на Родину только 15 ноября.

— Мне пришлось читать некоторые из отзывов английских музыкальных критиков о выступлениях Ленинград-

ПОД СВОДАМИ ЛОНДОНСКОГО «РОЙЯЛ ФЕСТИВАЛ ХОЛЛА»

□ □

ского оркестра. Это высококвалифицированные рецензии. Англичане очень ценят наш коллектив. Но иные из них пишут, что впервые слышат такое звучание оркестра, хотя оно им нравится. Верно, — говорит Е. Мравинский, — наш оркестр звучит для Запада необычно. Боюсь утверждать наверно, но мне кажется, дело здесь в том, что мы в России не занимаемся игрой звуков. Мы подходим к произведениям, как к документам человеческой жизни и человеческих страстей. И если музыкантами-исполнителями будет почувствована и определена внутренняя суть этих произведений, они дойдут и будут поняты слушателями. Может быть, поэтому нам и удалось так хорошо сыграть произведение английского композитора Бенжамена Бриттена. Он сам сказал мне, что наше исполнение его сочинения превосходно и лучше, чем это когда-либо сыграно каким-нибудь другим оркестром. Приятно было сегодня получить письмо от такого уважаемого коллеги, как сэр Эдриен Боулт. Это очень теплое и

трогательное письмо. Он был на нашем первом концерте и пишет, что никогда не видел, чтобы публика была так захвачена музыкой, как захватило ее исполнение нашего оркестра.

Я поблагодарил Евгения Александровича и попросил Дмитрия Шостаковича сказать несколько слов.

— Большое спасибо оркестру и его дирижеру, которому и посвящена Восьмая симфония. Оркестр находится в блестящей форме. Его успех в Лондоне несомненен и вполне заслужен. Мы встречались сегодня со своими английскими коллегами на приеме в Музыкальной лиге и были очень рады слышать их восторженные отзывы.

В «Ройял фестивал холле» уже погасли огни, а у артистического входа терпеливо стояла толпа — человек триста лондонцев — любителей музыки. Они хотели еще раз сказать «спасибо» советским музыкантам. И когда появились Шостакович и Мравинский, слушатели уже на улице наградили их снова дружными аплодисментами.

В. ОСИПОВ,

соб. корр. «Известий».

ЛОНДОН.